

«ОБЪЕДИНИВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ И ФИНАНСОВЫЕ РЕСУРСЫ, МОЖНО ЗА КОРОТКОЕ ВРЕМЯ СОЗДАТЬ НОВЫЙ ОБЛИК СИСТЕМЫ ПРОФОБРАЗОВАНИЯ»

ОТ УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ЗАВИСИТ И УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ САМОГО РЕГИОНА, СЧИТАЕТ ДМИТРИЙ ЛИВАНОВ — МИНИСТР ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. О ТОМ, КАК БУДЕТ ПРОХОДИТЬ РЕФОРМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, КАКИЕ ЗАДАЧИ СТОЯТ ПЕРЕД МИНИСТЕРСТВОМ В ХОДЕ ЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ, МИНИСТР РАССКАЗАЛ В ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ ВГ АЛЕКСАНДРУ ЧЕРНЫХ.

BUSINESS GUIDE: Как сейчас выглядит система профобразования, из чего она состоит?

ДМИТРИЙ ЛИВАНОВ: В России сейчас работает 2 тыс. учреждений начального профессионального образования (НПО) — то, что называется училищами и лицеями. И примерно 2,5 тыс. заведений среднего профобразования (СПО) — это колледжи и техникумы. Еще примерно 170 вузов имеют в своей структуре программы подготовки начального и среднего профобразования. В общей сложности в системе профобразования учатся 3,5 млн человек — это серьезная часть нашей образовательной системы. Для сравнения: высшее образование у нас получает около 7,5 млн студентов.

ВГ: Сколько в них занято преподавателей? У них такой же статус, как у коллег из школ и вузов?

Д. Л.: Примерно 250 тыс. занимаются обучением в системе профобразования. У них немного отличается статус, в каких-то вопросах даже есть дополнительные льготы. Но сейчас будет реализован проект повышения зарплат на всех уровнях образования, естественно, он затронет и преподавателей из системы НПО и СПО. В том числе мастеров производственного обучения, которые формально не являются педагогами. Престиж работы в этих организациях должен серьезно вырасти.

ВГ: Какие основные направления подготовки существуют в системе профобразования?

Д. Л.: В общем-то учат всем профессиям. Начиная от сферы услуг — это парикмахеры или работники торговли, сервиса — и заканчивая техническим образованием — это высококвалифицированные рабочие, специалисты для сельского хозяйства, машиностроения. Формально эта система по своим масштабам и набору образовательных программ отвечает структуре экономики страны.

ВГ: А на деле?

Д. Л.: А на деле не отвечает. Дело в том, что логика существующей системы профподготовки сложилась в середине прошлого века. Конечно, она была ориентирована на совершенно другую экономику. Сейчас ситуация иная: появились новые отрасли. Экономика постоянно предъявляет новые требования: у нас теперь есть профессии, которые в принципе не требуют высшего образования, например сфера услуг. И, самое важное, повысились требования к уровню и масштабам подготовки учащихся.

ВГ: Какой существует выход?

Д. Л.: Сейчас дефицит высококвалифицированных технологических рабочих стал одним из факторов, сдерживающих экономическое развитие целых отраслей и регионов. Компании тоже чувствуют серьезность проблемы и наиболее продвинутые сами начинают активно влиять на систему профобразования. Не так давно я побывал в Калужской области, где был создан автомобильный кластер: там заводы «Фольксваген», «Пежо», «Ситроен», других компаний. И они полностью переоснастили местный колледж: предприятия объединили ресурсы и создали передовое образовательное заведение, отвечающее всем современным требованиям. Они полностью смоделировали производственный процесс: грубо говоря, камера покраски автомобильного кузова такая же, как на конвейере. Роботы, осуществляющие сварку, точно такие же, как на заводе. В результате студенты осваивают именно те технологии, которые используются на предприятии. Причем преподают им специалисты из этих же компаний. И вы-

ДМИТРИЙ ЛИВАНОВ: «У НАС ЕСТЬ ЗАДАЧА — СОЗДАТЬ 25 МЛН РАБОЧИХ МЕСТ. И ЧЕМ БОЛЬШЕ БУДЕТ ПОЯВЛЯТЬСЯ ВАКАНСИЙ, ТРЕБУЮЩИХ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ВЫСОКОЙ ОПЛАТЫ, ТЕМ БЫСТРЕЕ ИЗМЕНИТСЯ ИМИДЖ НПО И СПО»

пускникам не нужно доучиваться на производстве: они сразу готовы к профессиональной деятельности.

Или другой пример: Челябинский трубопрокатный завод в Первоуральске взял под свою опеку металлургический колледж. Оснастил его тем же современным производственным оборудованием, которое используется на предприятии. Конечно, все это требует инвестиций, но раз компании сами в это вкладываются, очевидно, что эти расходы оправдывают себя. Сейчас те средства, которые бизнес вкладывает в развитие кадрового потенциала своих сотрудников, уже превышают расходы федерального бюджета на профессиональное образование. По оценкам, компании ежегодно выделяют на это 850 млн рублей — конечно, не только в профобразование, но еще и на переподготовку, повышение квалификации.

Я считаю, что НПО и СПО являются самыми перспективными с точки зрения частно-государственного партнерства, раз это тот уровень образования, куда бизнес вкладывается наиболее активно. Это дает нам очень оптимистичные ожидания относительно будущего: объединив интеллектуальные и финансовые ресурсы, можно за короткое время создать новый облик этой системы.

Мы можем пойти гораздо дальше — обсуждать с крупными компаниями концессионные соглашения, передачу им в управление каких-то образовательных учреждений. У нас ведь часто бывает так: существует колледж, финансирующийся из бюджета, но его студенты на выходе никому не нужны. А рядом есть предприятие, которому необходимы работники, и оно вынуждено строить свой корпоративный центр и финансировать обучение. С точки зрения общественных затрат это неэффективно, поэтому можно колледж передать в управление предприятию. Ко-

нечно, при определенных условиях: сохранение объемов подготовки, недопущение перепрофилирования и так далее. Это очень перспективная тема, и в ближайшее время мы запустим несколько таких пилотных проектов.

ВГ: В какой отрасли?

Д. Л.: Любые крупные промышленные проекты — машиностроение, добыча и переработка полезных ископаемых, информационные технологии. Перспективы очень широкие. Я еще раз обращаю внимание: этот уровень образования наиболее инвестиционно привлекателен для бизнеса. Следовательно, задача государства — снять барьеры на пути этих инвестиций и создать благоприятную правовую основу.

ВГ: Вы сейчас рассказали про крупные компании, которые могут себе позволить такие расходы. Но учебные заведения, которые готовят студентов для той же сферы услуг, все-таки в большей степени зависят от бюджета. . .

Д. Л.: Безусловно, они останутся в сфере внимания государства. Но при этом они должны работать на региональный рынок труда или даже на муниципальный, если это крупное муниципальное образование. Именно поэтому было принято решение передать учреждения профобразования на региональный уровень, чтобы они обеспечивали кадровые потребности области или города. Мы внимательно следим за тем, как идет адаптация — без проблем не обходится. Но сейчас регионы четко осознали, что эта система им нужна и что они могут ее изменять в зависимости от своих потребностей. Мы на федеральном уровне будем помогать и методически, и, думаю, финансово. Но и местные власти сами будут инвестировать, ведь от уровня подготовки специалистов зависит и уровень развития самого региона.

Одновременно есть задачи, которые по своей значимости выходят на федеральный уровень, например подготовка кадров для оборонно-промышленного комплекса. Мы знаем, что в планах реализация очень масштабной госпрограммы по закупке военной техники. Чтобы промышленность могла ее произвести, необходимо осуществить технологическую модернизацию предприятий — и не одного-двух, а сотен по всей стране. Ведь каждое сложное изделие является результатом работы десятков или даже сотен производителей, которые образуют кооперационные цепочки. Иногда они находятся за тысячи километров друг от друга. Я считаю, что здесь нам необходима федеральная программа, которая обеспечивала бы в том числе и необходимое количество специалистов, которые создадут эту технику. Мы будем вместе с Минобороны и Минпромторгом делать такую федеральную программу.

Кроме того, есть необходимость и в распространении лучших практик. Мы видим, что какие-то регионы более успешны, и мы должны этот опыт изучить, обобщить и сделать доступным для других. Вообще, задача образования — смотреть вперед, уже сейчас готовить людей к будущему. Они закончат учиться через несколько лет, когда требования будут другими. Это основная сложность, но и основная ценность системы образования.

ВГ: Как вы прогнозируете будущее?

Д. Л.: Мы живем в мире прогнозов. Любая крупная компания думает о своем будущем и делится прогнозами. Мы используем их, используем аналитические данные других ведомств, отраслевые прогнозы. . . У нас есть целая система — она включает в себя, например, мозговые штурмы,

деловые игры, которая призвана построить несколько реалистичных сценариев по любому вопросу. Естественно, мы опираемся и на конкретные цели, например поручение президента о создании в стране 25 млн высокопроизводительных рабочих мест. С такими задачами прогнозировать становится проще.

ВГ: Давайте попробуем дать такой прогноз. У нас сейчас высокая безработица на Северном Кавказе. Возможно ли с помощью реформы профобразования решить эту проблему?

Д. Л.: Это удачный пример, ведь там сейчас начнется быстрое по историческим меркам развитие, появятся новые отрасли. Нужно, чтобы система образования поддерживала эти проекты. Существует отдельный прогноз социально-экономического развития Северного Кавказа: там будут создаваться новые производства, а также активно развиваться туристско-рекреационный кластер. Отели, климатические курорты, горнолыжные трассы — все это требует высококвалифицированного персонала, причем очень разного: от поваров до гидов. Всех их нужно учить. Кроме того, мы планируем открыть на Кавказе центры профессиональной подготовки в области строительства, энергетики и других направлений, где ожидается приток инвестиций.

ВГ: В любом случае необходимо еще изменить отношение самих граждан к профобразованию. Сейчас престижно получить высшее образование, а у колледжей и техникумов плохая репутация. . .

Д. Л.: Это старая проблема. Еще когда я учился, слово «пэ-таушник» использовалось в негативной коннотации. Но нам нужно четко понимать: для высокотехнологичной экономики нужно не так много специалистов с высшим образованием. Если мы посмотрим на заводы Германии или Юго-Восточной Азии, то там очень мало инженеров — востребованы как раз люди с высокими профессиональными навыками и компетенциями. И заработная плата у них такая, что они не рвутся за высшим образованием. Поэтому нам надо сделать так, чтобы у нас повышалось уважение к тем людям, которые обладают высокой квалификацией и получают достойное вознаграждение.

Мы движемся к этому быстрее, чем кажется. Ведь значительная часть нашего высшего образования, к сожалению, дискредитирована. Все понимают, что диплом часто вообще ничего не значит — важнее, что человек реально умеет делать, какова его квалификация.

Сейчас у нас есть задача — создать 25 млн высокопроизводительных рабочих мест. И чем больше будет появляться вакансий, требующих высокой квалификации и высокой оплаты, тем быстрее изменится имидж НПО и СПО. **ВГ:** В проекте закона «Об образовании» подразумевается ликвидация начального уровня профобразования. Это решение очень серьезно критикуется многими экспертами. Расскажите, для чего вы пошли на такой радикальный шаг?

Д. Л.: Мы как раз ставим перед собой цель уйти от негативного восприятия НПО. Мы повышаем статус этих учреждений и их программ до уровня среднего профессионального образования. Сами они никуда не денутся — они останутся в той степени, в которой востребованы. Можно считать это ребрендингом — повышением статуса, обновлением программ. И это станет для молодежи одним из стимулов пойти в них учиться. ■